

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ 1930-х — НАЧАЛА 1940-х гг.

Ирина Владимировна Волкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
24/1 Старая Басманная ул., Москва, Россия
wolkowa-irina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена объединениям школьников 1930-х — начала 1940-х гг., создававшимся на самостоятельной основе в обход, а часто и в противовес пионерии и комсомолу. Эти формы активности позволяют увидеть подростков в необычном свете субъектов истории, пусть даже на микроуровне, и представить, как преломлялись в их сознании социально-политические реалии и идеология указанного периода. Приведенный материал показывает, что, как и в другие периоды, детская самостоятельная активность 1930-х — начала 1940-х гг. выростала из потребностей, которые не получали удовлетворения в государственной системе обучения и воспитания. Захлестнувшие страну во второй половине 1930-х гг. политические репрессии не стали для нее блокирующим фактором. Тем не менее формирующее воздействие на нее оказали акценты направленной на детей политики того времени. Ужесточение школьной дисциплины и нормативного давления на непокорных, идеологический прессинг с выхолащиванием революционными смыслами провоцировали реакции наподобие мертоновских ретритизма и бунта. Их организационными проекциями становились клубы по интересам, иногда с делинквентным уклоном, и протестные группировки разной направленности. Ослабление советского изоляционизма и снижение идеологического давления в годы войны стимулировали возникновение игровых сообществ для моделирования государственной деятельности в перспективе сближения наций.

Ключевые слова: детская самоорганизация, клубы по интересам, протестные группировки, игровые сообщества.

Для ссылок: Волкова И. Против течения: неформальные организации школьников 1930-х — начала 1940-х гг. // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 62–92.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-62-92

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/volkova.pdf>

AGAINST THE CURRENT: SCHOOLCHILDREN'S INFORMAL ORGANIZATIONS IN THE 1930s AND EARLY 1940s

Irina Volkova

National Research University Higher School of Economics
24/1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia
wolkowa-irina@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the schoolchildren associations of the 1930s and early 1940s, which were created as grassroots initiatives, bypassing—and often standing in opposition to—the pioneers and the Komsomol. These forms of activity make it possible to see adolescents in an unusual light—as the subjects of history—and to imagine how the socio-political realities and ideology of this period were refracted in their minds. The above material shows that, as in other periods, children's amateur activity in the 1930s and early 1940s grew out of needs that were not met within the state system of education and upbringing. The political repressions that swept the country in the second half of the 1930s did not become an obstacle for these movements. However, a strong “formatting” effect was exerted by the focal points of the policy aimed at children of that time. The tightening of school discipline and normative pressure on the recalcitrant, ideological pressure with emasculated revolutionary meanings provoked reactions like Merton's retreats and rebellion. Their organizational projections were, respectively, interest clubs, sometimes with a delinquent bias, and protest groups of various kinds. The weakening of Soviet isolationism and the decrease in ideological pressure during the war years stimulated the emergence of gaming communities to model state activities through the perspective of the rapprochement of nations.

Keywords: children's self-organization, interest clubs, protest groups, gaming communities.

To cite: Volkova I., ‘Protiv techeniya: neformalnye organizatsii shkolnikov 1930-kh — nachala 1940-kh gg.’ [Against the Current: Schoolchildren's Informal Organizations in the 1930s and Early 1940s], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 56, pp. 62–92.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-62-92

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/volkova.pdf>

Ирина Волкова

Против течения: неформальные организации школьников 1930-х — начала 1940-х гг.

Статья посвящена объединениям школьников 1930-х — начала 1940-х гг., создававшимся на самодеятельной основе в обход, а часто и в противовес пионерии и комсомолу. Эти формы активности позволяют увидеть подростков в необычном свете субъектов истории, пусть даже на микроуровне, и представить, как преломлялись в их сознании социально-политические реалии и идеология указанного периода. Приведенный материал показывает, что, как и в другие периоды, детская самодеятельная активность 1930-х — начала 1940-х гг. выросла из потребностей, которые не получали удовлетворения в государственной системе обучения и воспитания. Захлестнувшие страну во второй половине 1930-х гг. политические репрессии не стали для нее блокирующим фактором. Тем не менее формирующее воздействие на нее оказали акценты направленной на детей политики того времени. Ужесточение школьной дисциплины и нормативного давления на непокорных, идеологический прессинг с выхолащиваемыми революционными смыслами провоцировали реакции наподобие мертоновских ретритизма и бунта. Их организационными проекциями становились клубы по интересам, иногда с делинквентным уклоном, и протестные группировки разной направленности. Ослабление советского изоляционизма и снижение идеологического давления в годы войны стимулировали возникновение игровых сообществ для моделирования государственной деятельности в перспективе сближения наций.

Ключевые слова: детская самоорганизация, клубы по интересам, протестные группировки, игровые сообщества.

Проблематика детско-юношеской социально-политической активности, строившейся в обход массовых организаций — пионерской и комсомольской, а часто в противовес им, неравномерно изучена в отечественной литературе. Если для времени позднего сталинизма и хрущевской оттепели накоплена определенная информация о таких прецедентах, то для 1930-х — начала 1940-х гг. она почти полностью отсутствует. Между тем изучение этой стороны жизни советских учащихся позволяет, во-первых, увидеть их в непривычном свете субъектов истории (пусть даже на микроуровне), а не в качестве пассивных реципиентов сфокусированных на них внешних воздействий, в каком-то они, по словам британского культуролога К. Келли, чаще всего предстают в научной литературе [Келли 2008: 17]. А во-вторых, выяснить, как преломлялись в сознании подрастающего поколения социально-политические реалии, идеологический дискурс и направленная на детей политика власти 1930-х — начала 1940-х гг. В задачи статьи входит выявление мотивов, типологии, устройства, целевых установок, практик самодеятельных объединений школьников, а также культурных образцов, положенных в их основу.

Ирина Владимировна Волкова
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
wolkowa-irina@yandex.ru

Основным поставщиком материала о самостоятельных инициативах подростков являлся корпус школьных комсorgh (далее — информантов). Действовавшие с 1935 г. в большинстве городских школ комсорги методично фиксировали высказывания и поступки учеников, выделявшихся на общем фоне, а иногда выявляли их конспиративные сообщества. Последние попадали в фокус пристрастного внимания комсомольского руководства и начальников от образования, а многие брались в разработку карательными органами. Как минимум недоброжелательное отношение официальных структур к детским самостоятельным группам определяли два фактора: на фоне партийных чисток и громких политических процессов 1930-х гг. они смотрелись как реплика «оппозиционных блоков» (пусть неполноценная и не зеркальная) и этим вызывали опасливое отторжение. Кроме того, фактом своего существования они подрывали коллективизм, составлявший краеугольный камень советского воспитания [Kucherenko 2011: 28]. Осмысляемое через негативно заряженные понятия отщепенства, отрыва от массы стремление к личной или групповой обособленности в глазах комсorgh и стоявших за ними инстанций выглядело симптомом отклоняющегося поведения. А сами его субъекты, выпадавшие из-под контроля пионерской и комсомольской организаций, рассматривались как явные или потенциальные нарушители правовых и социальных норм.

Вместе с тем приемы обрисовки разных по направленности групп в документах различались. Так, информанты были склонны к более обстоятельному и свободному освещению подростковой активности без признаков политической или идеологической делинквентности. И наоборот, к более скупым, основанным на однообразных описательных клише характеристикам политизированных группировок. Эту разницу объясняет презумпция разграничения полномочий с карательной системой. Если первая категория школьников в логике информантов подлежала возвращению на правильный путь усилиями здорового коллектива, то вторая априори рассматривалась как объект изучения и мер воздействия компетентных органов, в ведение которых и передавалась. Несмотря на указанный дефект, донесения, справки, информационные сводки комсомольского мониторинга остаются практически единственным источником по интересующему нас предмету¹. Краткий отчет НКВД Сталину по антисоветским школьным группам за 1938–1939 г. содержится в сборнике документов «Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР “Смерш” 1939 — март 1946». При

¹ Фонд Прокуратуры, хранящийся в ГАРФ (№ 8131), в частности надзорное производство по делам несовершеннолетних, не содержит следов иных дел, кроме уголовных.

подготовке данной работы также было использовано следственное дело организации «Четвертая империя», хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ.

Мотивы, потребности, интересы подростков, претворявшиеся в их самоорганизации, отличались большим разбросом. При этом все они были опосредованы особенностями возрастной психологии, в частности склонностью подростков к игровым занятиям [Прихожан 2015: 38]. Образование и функционирование детских объединений в своих основаниях совпадали с игрой, т.е., согласно Й. Хейзинге, являлись отделенной от обычной жизни, свободной, несерьезной деятельностью, хотя и определяемой правилами и предоставлявшей возможности перевоплощения своим участникам [Хейзинга 2011: 38–39]. Игровая парадигма позволяет представить подростковую самоорганизацию как осознанный переход из актуальной действительности в виртуальную (хотя и не менее подлинную для участников), где правила задавала специализация объединения, а способы перевоплощения — структура его ролей. Сокрытое от непосвященных, особенно взрослых, такое объединение всегда обладало притягательностью для подростков за счет возрастного пристрастия к тайне, секретным шифрам, кодам и конспирации [Хейзинга 2011: 38; Осорина 2019: 233–234]. Тайна играла и утилитарную роль — она всегда крепко цементировала складывающиеся отношения [Кон 2005: 202].

Параллельно необходимо подчеркнуть, что отделенность игры / организации от обыденной жизни не означала ее выключенности из социального контекста. Как отмечает один из ведущих специалистов по психологии детской игры Д.Б. Эльконин, игра социальна по своему происхождению, она возникает из условий жизни ребенка в обществе [Эльконин 1999: 29]. Это заключение в полной мере относится к подросткам 1930-х — начала 1940-х гг., чья самодеятельная активность чаще всего разворачивалась на дефицитной стороне действующей инфраструктуры детства и государственной политики в области воспитания.

В поисках ниши свободного общения и творчества

Школьная реформа 1930-х гг. с ее строгим учетом успеваемости и поведения учащихся, контролем учительства, пионерской и комсомольской организаций, вовлечением учащихся в общественную работу была направлена на формирование социально ответственной личности, способной выполнить свои обязательства перед социалистическим Отечеством. Введенные изменения порывали с концепцией автономности ребенка и задачей развития его индивидуальности, на которые еще ориентировалась педагогика 1920-х гг. [Kelly 2007: 93]. Для многих подрост-

ков пребывание в среде, перенасыщенной деспотическими требованиями и не оставлявшей зазора для удовлетворения личных релаксационных, коммуникативных, познавательных и прочих потребностей, становилось тяжелым испытанием. Как следствие даже у благонамеренных школьников нередко возникал запрос на объединения с себе подобными ради разрядки и сатисфакции. Эти образования складывались скорее в дополнение, чем в пику школе и другим институтам, которые не могли предоставить им подходящей ниши. При различных степенях конформности и разной специализации такие группы подводила под общий знаменатель попытка вырваться из-под дисциплинарной власти с ее технологиями производства «нормализованных субъектов» в пространство свободного общения и творчества.

Как пример абсолютно конформной реализации таких побуждений можно привести группу из 11 старшеклассниц, комсомолок и хороших учениц г. Постышево (ныне Красноармейск) Донецкой области, назвавшихся «Союзом отважных» и разработавших свою программу. Последняя включала следующие положения: «Никогда не ссориться, а если поссоримся, сейчас же <...> мириться, всегда выручать друг друга из беды, несмотря ни на что, помогать друзьям в их беде, никогда не обижать друг друга, исполнять приказания Союза, что бы то ни было, делиться хорошими вещами, жить честно и бороться с некультурностью. Делиться конфетами» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1257. Л. 84–85]. В повестку первого же заседания вошли пункты: «1) утверждение программы; 2) организация вечеринки; 3) сбор средств и обсуждение сметы; 4) кто кого любит?» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1257. Л. 84]. Деятельность («организация вечеринки», выяснение «кто кого любит») как будто демонстрировала сугубую аполитичность и дрейф от комсомольской повестки в сторону камерного девичьего общения с интересом к гендерным отношениям, одежде, развлечениям. Однако то, от чего бежали девушки — избыточное давление социального окружения с его символической властью — настигало их в самой структуре всего предприятия. Название организации, отсылающее к героическому этосу советской культуры, императивы честности, дружбы, «культурности», восходящие к соответствующим топосам печати и пропаганды, межличностные отношения по типу молодежных коммун («делиться» «хорошими вещами» и «конфетами»), показывали гиперсоциализацию, сковывавшую свободное творчество в намеченном деле. Причина, по которой эти девушки попали в объектив комсомольского мониторинга, заключалась в осуждении информантом их пассивной позиции в комсомоле и активной за его пределами.

Другая группировка школьников из Рославля, выявленная в 1936 г., сложилось вокруг литературного журнала, вначале называвшегося «Грусть века», а затем переименованного в «Серапион», в память о литературном объединении «Серапионовы братья». Судя по намерению руководящего ядра выяснить мнения читателей о символистах и имажинистах, а также поклонению С. Есенину, «коньком» журнала должен был стать Серебряный век русской литературы с его декадентскими тенденциями. В соответствии с обозначенными приоритетами учредители и постоянные авторы, как сообщал информант, собирались «писать обо всем том, что отвергнуто нашей современной советской литературой (грусть, тоска, скука, упадничество, маловерие, нытье и т.д.)». Данная позиция манифестировалась в стихах первого же выпуска, которые выражали разочарование жизнью и даже готовность с ней расстаться:

Скука жить не дает,
Ходишь вечно мрачный,
Пессимизм меня зовет
В гроб дубовый, страшный.

Мотивы одиночества и ранней усталости от жизни можно расценить, с одной стороны, как форму отрицания насаждаемых советским воспитанием социального оптимизма, веры в светлое будущее, с другой — как отражение подросткового негативизма и связанной с ним ролевой модели ниспровергателей общепринятых ценностей и норм. С очевидностью ее прототипами служили образы нигилистов и «лишних людей» русской классики — увлечение ими старшеклассников отмечали и школьные работники послевоенных лет [Зубкова 2000: 139]. Как видно из письма одного из основателей журнала восьмиклассника А. Панова к брату, ему импонировала репутация скептика и критика школьных порядков, и он не собирался меняться даже под угрозой неудовлетворительной оценки по поведению¹.

Продвигая журнал как территорию без догм и иерархий, трое главных авторов и учредителей зазывали к себе собратьев по перу, заинтересованных в развитии независимого взгляда на жизнь и литературу («Так слушай же, товарищ мой / Приди в журнал ты к нам / Не будь ты для других слугой, / А будь

¹ «С недавнего времени я живу двоякой жизнью. Наружной и внутренней. Я чувствую какую-то отчужденность от учеников и общественной жизни школы. Я хочу не такой покорной бараньей жизни, как у нас. Мне не нравятся некоторые порядки школы. Например, для чего вставать при входе учителя, почему ученическое управление только называется так, а на самом деле все мы находимся под пятой директора. И много разных “для чего” и “почему”, и чтобы разьяснить эти “для чего”, я выступаю на собраниях, говорю с учениками <...> Вот этими волнениями, этой “бунтарской” жизнью я и весел [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д.1188. Л. 144].

хозяин сам»). А чтобы повысить привлекательность предложения, обещали при журнале основать общество для избранных «Союзное бюро» с выработкой специальной декларации целей, секретных шифров и паролей. Такое продолжение игры в свободную прессу и независимую экспертизу вызвало острую реакцию надзирающих инстанций. В условиях нарастания Большого террора заявка на создание сообщества, перекликавшегося по названию с разгромленной в 1931 г. меньшевистской организацией («Союзное бюро меньшевиков»), становилась чрезвычайным происшествием. Даже несмотря на то что указанное намерение не успело вступить на путь исполнения, оно дало повод к серьезному разбирательству [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1188. Л. 119–145]. Дальнейшая судьба подростков, втянутых в эту историю, неизвестна.

При различиях в содержании и формах активности участников обеих групп объединяла высокая включенность в институциональную среду, субъективно ощущавшаяся как бремя. Стремившиеся высвободиться из-под него подростки создавали свое отгороженное от социума пространство, где отменяли идеологический нарратив и школьный регламент. Однако и здесь в той или иной форме их «догонял» социальный контроль, вторгавшийся в реализацию плана.

«Постыдные» влечения в контексте делинквентной самоорганизации

Подростковый пубертат как предмет медико-педагогического дискурса, школьного просвещения и специальной помощи детям, легализованный в 1920-е гг. вместе с фрейдиизмом, педологией и теорией свободной любви (Эроса крылатого), в 1930-е гг. был снят с обсуждения [Эткинд 1993; Ромаева, Ромаев 2014: 103–112; Пушкарев, Пушкарева 2007: 206–209]. Усиление цензуры, разгром в 1936 г. педологии и передача функций изучения и направления ребенка учителям ознаменовали переход тематики секса и полового созревания в разряд табуированных для сколько-нибудь широкой аудитории. Она стала прерогативой узкопрофильных специалистов. Эти же аспекты начисто выпали и из текстов советской культуры о любви. Вместе с тем сексуальная проблематика продолжала будоражить школьный мир, с не прекращавшимися случаями изнасилований, беременности учениц, хождения по рукам подростков порнографических картинок и томов энциклопедии с изображением гениталий. Даже в московской 25-й школе, где обучались дети советской элиты, тема интимных отношений полов доминировала в анонимном опросе старшеклассников о волнующих их вопросах [Holmes 1997: 288]. Не исключено,

что при психологической и психиатрической поддержке проблемных подростков негативные тенденции и печальная статистика могли бы быть взяты под контроль. Однако в сложившихся обстоятельства школьникам приходилось самостоятельно решать проблемы на этом поле. И если законопослушные юноши довольствовались знакомством с соответствующей книжно-печатной продукцией, то их делинкветные сверстники искали более действенных способов справиться с либидозными желаниями.

Так, в конце 1936 г. в поселке Чернь Тульской области была выявлена организация «Союз говельщиков» из 15 восьмиклассников и одного шестиклассника местной школы, сложившаяся как ответвление взрослой хулиганской шайки. Название кружка и его ритуалы были увязаны с игрой, в которой разнужданные подростки хватили за половой член одного из своих товарищей. Это действие называлось «разговеться», или «поговеть», проходило в уборной и сопровождалось дикими выкриками. Перенос понятия из церковно-религиозного обихода на сферу низменных инстинктов, шутовская постановка ритуала и соответствующая тому площадка проведения придавали ситуации характер карнавала с типичными для последнего инверсией высокого и низкого, обыгрыванием непристойных ролей и положений [Кошемчук 2015: 151]. В тот же сценарий вписывались другие атрибуты сообщества, отраженные в его «конституции», включая «столицу», особое поощрение отличившихся и номенклатуру должностей, частично заимствованную из истории Новгородской боярской республики, частично придуманную самими участниками в пандан основному занятию¹. Такая карнавализация имела под собой вполне целерациональные основания. Развратные действия, снимавшие психосексуальное напряжение, в контексте смехового представления не вызывали у участников чувства вины и дискомфорта. Описанный ритуал дополнялся требованиями хорошей физической формы, дисциплины и отстраненности от общественной жизни школы (даже невзирая на то, что почти все участники были пионерами, а один из них — председателем Совета пионерских отрядов школы). Сознательное дистанцирование от официальной детской организации при формальном членстве в ней

¹ «1. Союз говельщиков есть организация учеников 8-го класса. 2. Право на “говенье” имеют все члены организации. 3. Говенье происходит после уроков по вторникам и пятницам. 4. Во время говенья говельщиками издаются дикие крики. 5. Правительство “союза говельщиков” состоит из главы говельщиков, посадника, тысяцкого, боярина, палача, подмастерья, фельдшера, гнойщика, чесальщика. 6. Нарушения конституции карается высшей мерой наказания — баламбой и даже проведением через строй. 7. Столица говельщиков есть уборная. 8. Герб “союза говельщиков”: в середине жаровня, под ней в огне череп в двух пересекающихся костях. 9. Некоторым говельщикам даются поощрения: давать говеть за голый член» [ГАРФ. М. 2306. Оп. 69. Д. 2291. Л. 67].

и ритуалистика, замешанная на сексуальной игре, вызвали серьезную обеспокоенность властей. Расследование по «Союзу говельщиков» в 1937 г. проводила бригада проверяющих во главе с членом ВЦИК Носовым, а докладная записка была направлена председателю ВЦИК М.И. Калинину и заместителю председателя СНК РСФСР Лебедю [ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2291. Л. 49–67].

Похожая, хотя и более «продвинутая» соответственно возрастному составу участников нелегальная организация существовала в 1936–1937 гг. при Хуторском сельсовете и избе-читальне Челябинской области под вывеской «кружка любителей естествознания». Объединившиеся в нем 12 развязных парней и девушек разных возрастов (самым младшим было по 17 лет, а самому старшему — 21) под водительством изгнанного из колхоза и неработающего парня Чернотелова изучали детородные органы и состояли друг с другом в половой связи. Более того, участники кружка бравировали своей вседозволенностью, выводя мочой по снегу названия гениталий. А в торжественный день памяти Ленина непристойными действиями сорвали читку его биографии на официальном собрании [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1234. Л. 103]. Карнавализация в виде пародийной профанации официального названия кружка, публичного нарушения культурных табу, обесценивания сакральных символов и ритуалов советского государства в передаче информанта выглядела тем более вопиющим извращением поведенческих норм, что контрастировала с моралью и социальными привычками сельской молодежи в целом. Какие санкции были наложены на участников этой группы, неизвестно.

В том же ряду подростково-юношеских сообществ с карнавализованной постановкой практик, хотя и без сексуальной подоплеки, стоят подмосковные группы, складывавшиеся для игрового воспроизведения московских политических процессов, в частности процесса по так называемому «параллельному антисоветскому центру». Школьники разбирали между собой роли Троцкого, Пятакова, Радека, Сокольников, а предводителя кампании назначали прокурором «Вышинским». После того как в одной из школ распространился слух об образовании местной «троцкистско-зиновьевской шайки», к новоиспеченному «Троцкому» посыпались заявления: «В троцкистскую шайку. Просим принять нас в вашу троцкистскую шайку, и все твои указания, товарищ Троцкий, мы будем выполнять» [ЦГАМ. Ф. П-635. Д. 178. Л. 17, 142]. В появлении таких групп следует видеть побочный продукт публичной стигматизации подсудимых как бандитов, разбойников, убийц и прочей уголовной нечисти. Эти «ярлыки» будили в воображении подростков ассоциации с плеядой популярных преступников от Робина Гуда

и Дубровского до Мишки Япончика и Ленки Пантелеева и окружали фигурантов процессов ореолом криминальной славы. Карикатурная (хотя и не осознаваемая таковой) репрезентация обвиняемых указывала на запечатленный в сознании школьников мир перевернутых образов, созданный из политических процессов пропагандистской шумихой. В этом смысле можно было говорить о ее успехе. Одновременно эффект этого пропагандистского продукта вскрывал сильное давление уголовного мифа на детскую психику, уходившее корнями в маргинализацию и криминализацию городской среды в ходе социальных трансформаций 1930-х гг. [Лебина 1999]. В этом контексте шельмование подсудимых, по крайней мере для части подрастающего поколения, закономерно достигало обратного результата.

Ш. Фицпатрик и К. Келли в своих монографиях ссылаются на близкий прецедент, имевший место в 1936 г. в Ленинграде. Там сын партийного чиновника 12-летний А. Дудкин организовал игру в контрреволюционную «троцкистско-зиновьевскую банду», в которой сам исполнял роль Зиновьева, а его товарищи — Каменева, Троцкого, Кирова, Николаева (убийцы Кирова) и представителя НКВД. Если в первой части разыгрывалось убийство Кирова, то во второй речь шла об убийстве Сталина теми же персонажами [Фицпатрик 2008: 207]. По мнению исследовательниц, это был инвариант игры в казаков-разбойников или в разбойников и полицейских. А безнаказанность Дудкина, отделавшегося легким испугом, была проявлением тенденции деполитизации детства, иногда бравшей верх над противоположной — его форсированной политизацией [Kelly 2007: 113]. Такая трактовка события представляется не вполне корректной. На самом деле ленинградские забавы, так же как схожие подмосковные, для инициаторов были не модификацией обычных детских игр, а разыгрыванием зловещей драмы с матерыми преступниками в главных ролях. На фоне ужесточившейся позиции власти по отношению к детским правонарушениям, в частности установления в 1935 г. возраста уголовной ответственности с 12 лет, а также стараний взрослых наставников дискредитировать в глазах учащихся преступный мир и блатную романтику, все втянутые в подобные развлечения подростки хорошо осознавали неблагоприятность своих занятий. Подобно участникам сексуальных игр, вуалировавших «стыдные» влечения карнавальными образами, эти игроки прятали свое общественно порицаемое пристрастие к уголовщине под «контрреволюционными» масками. Такая подмена была настолько ясна взрослым экспертам, видевшим ситуацию изнутри, что не привела к заметным последствиям для ее зачинщиков.

Банды в конфронтации и симбиозе с государством¹

Возрастающие показатели детских правонарушений, по единодушному признанию историков советского детства, составляли ахиллесову пяту всей выстроенной в 1930-е гг. системы работы с детьми [Kelly 2007: 220–221, 257; Livschiz 2007: 275–280; Гальмарини 2015: 109–110]. Наиболее опасным и трудно искоренимым феноменом криминализации становилась организованная преступность. Опиравшиеся на запугивание, шантаж, а то и на прямое насилие преступные сообщества могли определенное время оставаться вне видимости правоохранительных органов. В расчете на полное доминирование в зоне своих интересов некоторые из них старались изгнать оттуда все знаки «обобщенного другого» в лице государства. Или, по формуле А. Лефевра, пытались превратить пространство государственной репрезентации в репрезентацию своего пространства. Этот позыв распространялся не только на казенное имущество и советские символы, которые портились или уничтожались, но и на официальную пропаганду и идеологию, которые в меру своего интеллектуального развития бандиты пытались дезавуировать в глазах остальных учеников.

Так, несколько уголовных групп из школ Сыктывкара, занимавшихся кражами и издевательствами над слабыми учащимися, одновременно распространяли антисоветские анекдоты и песни, критические высказывания о вождях, на стенах рисовали фашистские знаки [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1265. Л. 53–60]. В Темниковской средней школе Мордовской АССР в конце 1936 г. была выявлена банда из десяти учеников, совершившая за два неполных месяца осени 1936 г. семь ограблений. На протяжении двух лет данная группа систематически срывала уроки и массовые мероприятия, часто являлась в пьяном виде на занятия. Конец хулиганскому террору положила проверяющая комиссия, усмотревшая в бесчинствах вызов системе еще и по причине распространенности в школе антисоветских настроений, главным источником которых была все та же делинквентная группировка. Например, на уроке истории на вопрос учителя, почему будущая война против Советского Союза будет самой опасной для буржуазии, один из учеников, не задумываясь, ответил: «Буржуазия пойдет на Советский Союз, кулачество восстанет, привлечет на свою сторону колхозников, и все вместе выступят против советской власти». А на встречный вопрос учителя: «Чем вы это обосновываете?» — пояснил: «Положение в деревне плохое, вы вот снимите галифе, поезжайте в деревню, послушайте, что говорят крестьяне.

¹ В статье не исследуются группировки без выраженной позиции по отношению к власти.

Только похуже оденьтесь, и вы все узнаете». С этим мнением были согласны и остальные учащиеся [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1265. Л. 37–39].

Еще более дерзкий сценарий подчинения обширного социального окружения с вытеснением оттуда всех репрезентаций власти реализовался в Ташкенте. Там в середине 1930-х гг. на базе двадцати городских притонов сложилось детское бандитское подполье, державшее в страхе несколько районов города. Наряду с разбойными налетами на квартиры, магазины, разведением прохожих на улицах, вымогательством денег у школьников и учителей, избиением и запугиванием тех, кто пытался сопротивляться, они вели подрывную работу против власти: на глазах у граждан уничтожали вырванные из газет портреты советских вождей, накануне революционных праздников срывали развешенные красные флаги, атаковали и избивали школьников — участников первомайских и октябрьских демонстраций. Кроме того, группа 12–13-летних отморозков зарезала финским ножом 15-летнего сына рабочего-стахановца, возвращавшегося из школы. Расправа над мальчиком сопровождалась выкриками: «Одним стахановцем будет меньше!» По приговору суда участники самых тяжких преступлений в возрасте от 14 и выше были приговорены к заключению, а подростки меньшего возраста частью были направлены в исправительно-трудовые колонии НКВД, частью — на производство, а частью возвращены в школу под надзор комсомольского актива [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1188. Л. 40–45].

На фоне основной массы преступных сообществ, предпочитавших держаться в тени и избегать любого соприкосновения с государственной властью, открытое противоборство с ней было редким явлением. Таким же нетипичным было и стремление вступить с ней в отношения симбиоза. В 1936 г. в селе Борисовка Курской области был раскрыт «Союз юных бандитов» (или сокращенно «СЮБ») из шести девятиклассников, родившийся несколько ранее в красном уголке местной школы. Там участники подписали кровью программный документ: «1. Добиваться образования за десятилетку. 2. Каждому дать кличку из кинокартины “Путевка в жизнь”. 3. Один за всех, и все за одного. 4. Попавшись в ловушку, умереть, но не выдавать членов “СЮБ”». Ближайшей задачей члены «СЮБ» ставили накопление оружия, с помощью которого намеревались совершить ряд краж, после чего с большой суммой денег выехать на Кавказ или в Крым. Часть этого плана была блестяще реализована: милиция изъяла у парней арсенал оружия, денежную сумму в размере 6703 руб., добытую в результате серийных ограблений, и наворованные вещи, которые складировались все в том же красном уголке [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1188.

Л. 115–116]. Судя по взятому всеми обязательству получить образование в размере полной средней школы, что было скорее исключением, нежели правилом для сельской молодежи, они были хорошо интегрированы в школьную жизнь и нацелены на социальное продвижение. По всей видимости, и доступ к красному уголку обосновывался общественной работой, которую они вели в школе. Члены банды поклонялись культовому советскому фильму о перевоспитании преступных элементов среди беспризорников 1920-х гг., хотя, скорее всего, были заворожены не педагогикой начальника колонии Сергеева, а галереей уголовных персонажей, с которыми себя отождествляли. Идеологически нагруженной деталью был красный уголок — священная точка школьного пространства и символ Октября, переоборудованный в собственную штаб-квартиру и склад награбленного добра. За этим выбором (при наличии альтернативных мест для воровского «схрона» в большом селе) просматривается отсылка к революционному осмыслению частной собственности как продукта эксплуатации чужого труда или даже прямого ограбления с вытекающим отсюда оправданием ее экспроприации. Однако такая попытка подстроиться под советскую теорию и практику отъема имущества эксплуататоров, во-первых, не могла остаться незамеченной (надо полагать, что изобличению группы послужил все тот же красный уголок с недвусмысленными находками), а во-вторых, не была учтена судом: все члены «СЮБ» отправились за решетку.

Обе модели отношений с государственной властью, конфронтационная и симбиотическая, обладали общим признаком демонстративности. Если первые из рассмотренных криминальных сообществ афишировали непримиримое отношение к государственной системе, то последнее столь же откровенно показывало возможность использования ее предложений и элементов дискурса, оставаясь по другую сторону закона. Облегчавшие работу милиции и сокращавшие срок существования уголовных сообществ, данные тактики были невыгодны с прагматической точки зрения. Тем не менее они находили сторонников, которые своим образом действий бросали вызов системе, отвечая на ужесточение репрессивной политики по отношению к подросткам-преступникам.

Что скрывалось за подростково-юношеской политической самоорганизацией?

Именно эта категория детско-юношеских организаций вызывала самое пристальное и предвзятое внимание идеологических структур и карательных органов. НКВД, НКГБ, расследовавшие такие объединения, подводили их под категорию контрреволюционных и наделяли грифом секретности, сохраняющим силу

и в текущем времени. С этим связана отрывочная и невыразительная картина политической самоорганизации подростков в рассматриваемый период. Исключение составили политизированные группировки, в которых проверяющие инстанции не усмотрели признаков оппозиционности. Одна из них образовалась в 1936 г. в 85-й школе Москвы на Краснопресненской улице и была названа «Лига справедливых». Основатели, среди которых был сын поэта С. Есенина Константин, провозглашали «борьбу за поддержание авторитета директора, учителей и комсорга». Однако безобидная и даже похвальная в глазах педагогического коллектива цель конкретизировалась как содействие объективному оцениванию учеников и уважению их достоинства со стороны учителей, соблюдению этических норм и границ своих полномочий комсоргом, искоренению несправедливых мер по отношению к учащимся со стороны директора. Закамуфлированная под защиту работников школы, «Лига» была нацелена на автономизацию корпуса учащихся и подчинение взрослого персонала своим правилам игры [ЦГАМ. Ф. П-634. Оп. 1. Д. 487. Л. 10–11]. Данная инициатива хорошо иллюстрирует отмеченную Э. Лившиц способность некоторых детей манипулировать взрослыми на базе освоенного умения «говорить по-большевистски» [Livschiz 2007: 268].

Значимую компоненту детско-юношеской самоорганизации составляли сообщества, которые центрировались вокруг *идеи защиты прав и интересов отдельных этнических групп*. Так, по сообщениям органов народного образования Осетии, в школе хутора Ардонский (с. Мичурино) была создана националистическая группировка школьников-осетин, которая третировала и выдавливала из школы русских соучеников. А в г. Оржоникидзе (Владикавказ) группа подростков, называвших себя абреками, или абрек-заурами (по имени героя советской киноленты 1926 г., боровшегося в XIX в. с российской властью на Кавказе) объединилась в так называемую шайку Шамиля. Она преследовала неугодных учителей и соучеников других национальностей и насаждала в школе свои порядки [ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2357. Л. 65, 68]. В 1936 г. в Оболони, предместье Киева, была раскрыта «Украинская социал-демократическая партия» численностью 17 человек, которой руководил ученик 9-го класса Демиденко, характеризовавшийся в информационной справке как «петлюровец». Похищение типографских шрифтов, поиск возможности закупки оружия дали основания для обвинения ее в террористической и контрреволюционной направленности [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 237. Л. 120].

Наиболее очевидная предпосылка возникновения таких групп была заключена в переориентации союзной власти второй

половины 1930-х гг. со всемерной поддержки национальных культур и языков, апологии исторических лидеров национально-освободительных движений на массированное продвижение русской культуры, языка и героев русской истории с развенчанием прежде превозносимых лидеров, что болезненно воспринималось частью населения национально-территориальных образований [Щербак, Болячевец, Платонова 2016: 105–107; Бахтурина 2019]. На связь с этой сменой приоритетов центра указывают имена предводителей национального сопротивления XIX в. или акцент на этнониме («Украинская социал-демократическая партия») в самоназваниях детских групп. Серьезные опасения, которые вызывала у надзорных органов эта детская самодеятельность, проявлялись в применении к ней тех же оценочных категорий — «буржуазного национализма» и «национал-уклонизма», через призму которых рассматривалась позиция взрослых функционеров, не вписавшихся в отмеченный поворот.

Наиболее частотный тип политических объединений за рамками национального дискурса представляли так называемые *группы политического сопротивления*. Так, среди упоминаемых в информационных сводках ЦК ВЛКСМ за 1937–1938 гг. враждебных советскому строю и контрреволюционных групп значились: «КОМИ» («контрреволюционная организация молодых интеллигентов») из 15-й школы Иркутска, нацеленная, по версии следствия, на подготовку молодых террористов, но явно не преуспевшая в этом занятии [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 224], несколько конспиративных объединений старшеклассников из Таштыпского района Хакасии, Карагандинской области Казахстана, которые, как установил НКВД, распространяли контрреволюционные листовки, рисовали фашистскую свастику и оскверняли портреты советских вождей [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1255. Л. 55; Ф. 17. Оп. 126. Д. 3. Л. 68]. В июне 1939 г. на стол к Сталину легло донесение Л.П. Берии о 13 молодежных антисоветских организациях, выявленных НКВД преимущественно в Москве и Ленинграде. Семь из них целиком состояли из учащихся школ. Состав приписываемых им преступлений был практически одинаковым: распространение клеветнических измышлений о партийно-правительственной политике, восхваление троцкизма и составление антисоветских листовок, подготовка террористических актов против советских руководителей [Хаустов, Наумов, Плотникова 2006: 88–91].

Несколько школьных групп были раскрыты в Сибири в конце 1930-х — начале 1940-х гг. Все они пытались при помощи листовок и прокламаций выразить свое несогласие с теми или иными социальными реалиями и аспектами государственной политики — массовыми арестами, плохими условиями жизни

людей и бедственным положением крестьянства, произволом местного начальства. Все ставили своей целью борьбу с искажениями принципов Октября 1917 г., которые они усматривали в современной им действительности. Некоторые ради того, чтобы раскрыть согражданам глаза на эту правду, были готовы идти в народ [Савенко 2013: 406–409].

Все упомянутые организации аттестовались в официальных документах как антисоветские и контрреволюционные, несмотря на то что приписываемые им дела (подготовка террористов, покушения на советских руководителей, противодействие негативным явлениям общественной жизни и т.п.) остались только декларациями о намерениях, а некоторым ввиду дефицита ресурсов не удалось распечатать и распространить ни одной листовки. Обвинение в контрреволюционности опровергал тот факт, что многие строили свою идентичность на параллелях с революционным движением XIX — начала XX в. в России: подпольная группа из г. Сумы Полтавской области опиралась на опыт «Народной воли», так же как, вероятно, на него ориентировалась «КОМИ»; группа учеников 114-й московской школы подражала анархистам и собиралась пропагандировать их идеи посредством своего журнала. Не исключено, что какую-то часть дореволюционного опыта партии большевиков пыталась перенять оболонская организация, позиционировавшая себя как социал-демократическая. Революционное (а не контрреволюционное) самоопределение выявленных групп косвенно подтверждали и следователи, ставившие всем без исключений в вину идейную связь с троцкизмом — понятием с негативными смыслами, но удерживавшим в своем составе центральный семантический компонент революционного радикализма [Уханов, Мамычев 2014].

Крайне тенденциозная репрезентация этих групп в официальных документах, обосновывавшая их последующее наказание, отражала устоявшуюся практику. Как выявили авторы фундаментального пионерского исследования, посвященного составу осужденных сталинской пенитенциарной системой, абсолютное большинство людей, обвиненных в контрреволюционных преступлениях, никогда не совершали враждебных действий против советской системы и оставались преданы режиму, несмотря на то что стали его жертвами [Getty, Rittersporn, Zemskov 1993: 1033]. В оценке прецедентов, которые подводились под эту категорию преступлений, упор делался не на совершенные деяния, а на «опасность» личности, обусловленную ее принадлежностью к определенной группе [Kareniauskaitė 2015: 162]. Как считают сторонники одной из наиболее валидных объяснительных версий государственного террора, в его основе лежали профилактические зачистки социально чуждых и потенциально

«опасных» элементов, не вписывавшихся в модель однородного общества строителей социализма. Технологически подобные операции облегчала, с одной стороны, каталогизация индивидов по степени их пригодности к реализации социалистического проекта (с помощью личных дел, паспортов, трудовых книжек и т.п. средств), с другой — своего рода картография общественных сегментов по критерию их перспективного использования в том же проекте [Weiner 2002: 28–30, 32; Holquist 2003: 146–147, 153; Ertz 2008: 31–32].

Категорическая нетерпимость контролирующих органов к политической самоорганизации детей и юношества была обусловлена тем, что эта возрастная когорта располагалась на нулевом меридиане карты социовозрастных групп, которым предписывались ключевые функции в исполнении предначертаний власти. Если первое поколение комсомольцев, по словам М. Ноймана, помогло большевикам выиграть гражданскую войну на всех фронтах — военном, экономическом, культурном, то второе, воспитанное на мифологии революции, Гражданской войны и жаждавшее активных действий, поддержало Сталина в преодолении стагнантного нэпа и осуществлении «революции сверху», а также в борьбе со старой партийной гвардией [Neumann 2012: 282, 294]. Однако, как пишет тот же автор, реставраторские и консервативные тенденции сталинской политики 1930-х гг. перемололи революционный элемент в комсомоле. От следующих поколений требовались уже только конформизм, дисциплина, обслуживание запросов режима по обеспечению политической социализации детей и подростков [Neumann 2012: 295, 297]. Используя определение М. Ноймана, можно утверждать, что рассмотренные случаи юношеской самоорганизации вобрали в себя «неперемолотые» революционные элементы молодежного социума, которые на данном этапе резко отвергались политическим руководством страны.

Сказанное позволяет увидеть общую подоплеку в формировании национально-этнической протестности и политического нонконформизма детей и юношества. Подобно тому как первая аккумулировала несогласие с русско-центристским этатизмом, продвигавшимся в ущерб национальному нарративу в рамках консервативной национал-большевистской доктрины [Бранденбергер 2009: 58–59], второй воплощал реакцию на угасание революционных импульсов в ходе сталинской «революции сверху». Отказ от идеи мировой революции, переключение революционной энергии трудового населения на замещающие объекты в рамках хозяйственной модернизации и сведение самого понятия революции к нескольким иконическим постерам и ходячим фабулам в медийном пространстве вызывали неудовлетворенность в детской среде, даже если и не осознава-

лись ею в полной мере [Kirschenbaum 2001: 117–118, 125; Oushakine 2016: 203]. А предложенная альтернатива революционного участия в виде маршевых прохождений по улицам с красными знаменами, пионерских сборов у костра, коммеморации павших героев, подражания образцовым персонажам детско-юношеской литературы не сублимировала революционные импульсы, одолевшие многих подростков [Литовская 2010; Kucherenko 2011: 70–77; Литовская 2012: 93–99]. Это с наглядностью показывали стихи молодых поэтов, пронизанные духом революционной наступательности, распространенные среди юношества ожидания от грядущей войны революционных трансформаций в мире и страстное желание принять в них участие, а также массовые, хотя и безнадежные, попытки подростков достичь театра гражданской войны в Испании, воспринимавшейся как «ремейк» борьбы «красных» и «белых» в России [Сухих 2005: 18, 28–29, 44; Шарова 2015; Волкова 2020: 186–187]. Революционная пассионарность, не находившая выхода в делах текущего времени, направлялась на политическую самоорганизацию. Но и здесь ее практическая отдача в лучшем случае состояла в гальванизации левых настроений в радиусе микроскопического социального действия (разбрасывание листовок, рассказывание анекдота или хлесткое высказывание о текущей политике).

Однако революционная романтика привлекала не всех подростков. Несколько групп из Москвы начала 1940-х гг. строили свою деятельность на совершенно иных идейных основаниях. В июне 1943 г. органами НКГБ была выявлена конспиративная организация учащихся 7-го класса престижной московской 175-й школы — сыновей советских чиновников из высшего эшелона власти. Ее основатель и руководитель — сын наркома авиационной промышленности 14-летний Володя Шахурин с лидерскими и организаторскими задатками слыл среди школьных учителей своевольным, избалованным подростком с проявлениями ранней сексуальности, а среди ровесников — порочным и способным на дерзкие выходки. Зная об этой репутации, Володя постарался ее усилить при помощи личного дневника с описанием своих «взрослых» любовных похождений, который отдал на прочтение ближнему кругу соучеников¹. Такой ход, рассчитанный на повышение собственной значимости в глазах референтной группы и определяемый как ложная самопрезентация [Прихожан 2015: 42], помог ему сплотить вокруг себя тайную группу, занимавшуюся разведкой секретов девочек. Однако с введением отдельного обучения мальчиков и девочек

¹ Прочитавшая этот дневник после смерти сына мать Володи С.М. Шахурина назвала его циничным самоговором, написанным с целью бахвальства перед товарищами по школе [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 227, 228 об.].

в феврале 1943 г. она радикально поменяла свой профиль и по предложению В. Шахурина была переименована в «Четвертую империю», или «Четвертый Рейх», ввиду того, что должна была стать прообразом империи, четвертой по счету после Древнеримской, империи Наполеона и гитлеровского Рейха. Близкий друг Володи восьмиклассник Ваню Микоян, числившийся «шефом» организации, показывал на следствии: «Володя Шахурин говорил, что в государстве, которое он организует, будут открыты роскошные рестораны с музыкой и танцами, фешенебельные кинотеатры, и всякий будет делать, что хочет <...> Володя говорил, что у нас в СССР — плохие товары, отсутствует конкуренция и частная торговля, <...> что, когда он придет к власти, то введет частную торговлю, и будут хорошие товары» [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 31–32]. Как видно, на первых порах деятельность «Четвертой империи» походила на игру в страну-мечту, наподобие описанной в повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» [Лойтер 1998; Обухов, Мартынова 2008: 231–232, 235]. Разница состояла лишь в том, что это была исключительно игра-мечта о недоступных в СССР материальных благах — изобилии добротных товаров, развитой индустрии развлечений и праве частной собственности. Однако с течением времени организация стала все больше сдвигаться к подражанию нацистскому государству, чему в немалой степени способствовали полученные Шахуриным от В. Микояна книги «Моя борьба» Гитлера и «Гитлер говорит» Раушнинга [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 29]. После их прочтения Володя стал цитировать Гитлера и рассуждать о его умелом привлечении массовой поддержки.

В центре организации стоял Чрезвычайный Совет с отделами внешних сношений и внутренней разведки, тыла и кадров, агитации и пропаганды [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 284]. Для участников были введены должности рейхсфюрера, рейхсканцлера, фельдфюрера, а также звания генерал-лейтенанта, генерал-полковника и т.д. Ближайшей задачей ставилась вербовка новых сторонников, ради чего Шахурин даже допускал одновременное выступление членов организации в театрах Москвы с изложением программы «Четвертой империи». Однако главные события отодвигались на послевоенный период, когда, как считал Шахурин, на фоне разорения страны и падения уровня жизни населения будет расти недовольство. Предполагалось, что этим должна воспользоваться организация и подготовить государственный переворот с целью смены власти. Для обеспечения успеха мероприятию намечалось вступить в сговор с Японией и получить от нее военную помощь в обмен на советский Дальний Восток [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 3–4, 66–67]. Данная фабула стала основанием для возбуждения НКГБ след-

ственного дела и последующего наказания участников объединения.

Сама история этой подпольной организации всплыла только в ходе расследования смерти В. Шахурина и его девушки — дочери советского посла в Мексике Нины Уманской. По версии следствия, не желая отпускать Нину в Мексику, куда она должна была лететь вместе с родителями, 3 июня 1943 г. на лестнице Большого Каменного моста он застрелил ее, а потом себя. Вина за трагедию и львиная доля ответственности за «антисоветскую фашистскую» организацию были возложены на Шахурина, который в заключении следственной комиссии характеризовался как юноша «чуждой нам идеологии», развращающе влиявший на товарищей своими «высказываниями и настроениями» [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 11].

Однако сразу несколько обстоятельств заставляют усомниться в такой трактовке личности и деятельности младшего Шахурина. Во-первых, обстановка в семье, где культивировались советские ценности, не располагала к антисоветским взглядам. И в переписке младшего Шахурина с отцом, и в его личном дневнике звучали вполне искренние патриотические ноты. Во-вторых, как показывали хорошо знакомые с ним взрослые свидетели, он зачитывался книгами писателей-антифашистов, вырезал из газет и сам рисовал карикатуры на нацистских лидеров [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 230об.]. В-третьих, Володя гордился высоким положением отца и опасался его неосторожной компрометации со стороны семьи¹. Эти факты наталкивают на мысль о мотивах создания им подпольной группы, не вскрытых следствием. Показное пристрастие к нацистским символам и званиям, симпатии к Гитлеру и Германии были частью интриги, которую он нагнетал вокруг собственной персоны ради влияния на сверстников, прельщавшихся активностью на «запретной» стороне. Увлекаясь литературой о разведке и контрразведке и мечтая связать свою судьбу с этими службами [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 237], Володя Шахурин был вполне способен создать легендаризированный объект, т.е. фальшивую по сути, но аутентичную для остальных участников организацию, которую на определенном этапе можно было бы предъявить заинтересованным органам в порядке доказательства своей профпригодности. На такую возможность намекает эпиграф к его дневнику, взятый из «Героя нашего времени»: «Быть всегда на страже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притво-

¹ В частности, эти опасения относились к матери, любившей «шиковать» роскошными нарядами, невзирая на военное время [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 209–210].

ряться обманутым, и вдруг, одним толчком опрокинуть все грандиозное здание из хитростей и замыслов — вот что я называю жизнью» [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 263].

На этот коварный замысел его могли толкнуть переживания из-за презрения педагогов¹ и части одноклассников, некоторые из которых еще и смеялись над его физическим недостатком — заиканием. В порядке сведения счетов он мог завлечь обидчиков из класса в занятие с опасным исходом, а реализовав план до конца, продемонстрировать свое могущество и педагогам. Не исключено, что смерть В. Шахурина была связана с этими потайными намерениями, которые стали подмечаться некоторыми из «соратников». Вместе с тем по итогам расследования активность участников была признана «своеобразной, хотя и совершенно недопустимой детской игрой» [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 10], а сами они, освободившись из-под стражи по завершении следствия, отделались годичной высылкой в города Средней Азии и Урала.

В процессе изучения «Четвертой империи» следователи выявили еще две тайные ученические организации, хотя и не нашли в них признаков антисоветской деятельности. Одна из них под предводительством Пети Бакулева — сына выдающегося хирурга и директора 1-й Градской больницы, ученика того же 7-го класса 175-й московской школы, образовалась как альтернатива группе Шахурина (впрочем, некоторые ее участники сохранили членство и в «Четвертой империи»). Вторая, названная по именам основателей «ЛИМЖЭК» (Лига Мишнаевского, Жолдака, Эггерса, Китаева), сложилась в престижной 19-й школе среди детей ответственных работников, проживавших в Доме Правительства на улице Серафимовича. Как и организация Шахурина, эти две группировки занимались игрой в государство. В группе Бакулева были учреждены должности командующих вооруженными силами, гвардией и авиацией, начальника тайной разведки, премьер-министра и министра иностранных дел [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 163, 181]. (Сами участники поясняли, что наименование «министр» они почерпнули из романов западных писателей.) Находясь поначалу «в состоянии войны», группы Шахурина и Бакулева вскоре заключили мир, обменялись «послами» и стали развивать друг с другом дипломатические отношения посредством нот, меморандумов, ультиматумов и договоров. Примерно такое же

¹ Например, по утверждению матери, он долго не мог прийти в себя после обращенной к нему и вызвавшей смех в классе реплики математика Ю.О. Гурвица: «В семье не без урода». Такой же стресс вызвали дошедшие до него предостережения классной руководительницы девочек о том, что Шахурин — «испорченный мальчик» и им не стоит с ним общаться [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 231 об.]

устройство и состав должностей имело «государство» из 19-й школы, с той разницей, что оно «вело войну» и «мирилось» не с «государственным» контрагентом, а с одиночными учениками класса [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 239–241, 249].

Психологические пружины игры в государство приоткрывал рассказ самого младшего из «Четвертой империи» шестиклассника Серго Микояна о формальной и скучной пионерской работе в школе, побудившей его принять приглашение В. Шахурина в тайную организацию, где «будут введены разные звания и участники <...> будут назначаться на разные должности» [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 43]. Из этого можно заключить, что организация со звучными наименованиями должностей и возможностью быстрого продвижения по их ступеням в глазах подростка была привлекательной альтернативой реальному социуму. Если в последнем он занимал скромное и зависимое положение, то здесь мог ощутить себя взрослым и значимым субъектом, облеченным властью. Однако в контексте военного времени этот мотив получал более глубокое обоснование. По словам британского исследователя жизни детей Третьего рейха Н. Старгардта, в этот период детскую психологию определяла «интоксикация войной»: она вторгалась в их воображение и бушевала внутри них, меняя менталитет, привычки, занятия еще задолго того, как полномасштабно пришла на территорию Германии [Stargardt 2005].

Такая же закономерность относилась и к советским детям, включая участников трех названных групп, не видевших войну вблизи. Тем не менее она внедрялась в их существование через уплотнившиеся связи страны с внешним окружением, приток разнообразной информации о западном обществе и поступление заграничных вещей, т.е. через те свои побочные проявления, бенефициаром которых являлась главным образом номенклатура высших рангов¹. Эти впечатления разжигали, с одной стороны, конsumerистские аппетиты детей из советского «истеблишмента», с другой — их желание тесных контактов с большим миром, которые, судя по набору игровых ролей и интеракций, мыслились через представительство своей страны на международном уровне. Игра в государство демонстрировала психологическую готовность к замещению государственной элиты, мотивированную кадровыми потерями и авральными

¹ Материалы дела «Четвертой империи» содержат указания на то, что по рукам «элитных» мальчиков 175-й школы ходили французский порнографический журнал, немецкий журнал с портретами нацистских лидеров, дома им показывали западные фильмы. Некоторые из именитых подростков состязались в обладании предметами престижного потребления вроде заграничных велосипедов и мотоциклов, абсолютно недоступных «массовому» ребенку [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 232].

перестановками военного времени. Фактически все три группы, включая экстравагантную шахуринскую, функционировали как школы будущих управленцев высшего звена. В то же время две подспудно, а одна явно показывали наклонность к повороту государственного руля вправо, на магистраль развития западного мира, соответствовавшую логике рыночно-капиталистического реванша в «инсайтах» В. Шагурина. Именно на этом участке происходило размежевание «государственных» групп с самоорганизацией на левом фланге, ментально близкой к первым комсомольским поколениям мечтателей о всеобщем равенстве и свободе без частной собственности [Neumann 2012: 281].

Как бы то ни было, оппозиционные организации подростков, как правых, так и левых ориентаций, обладали одним общим признаком: они выбирали цели — борьба с государством, захват власти, корректировка или смена общественного строя — заведомо нереализуемые, несоразмерные их силам и ставившие их на грань фола. Этот посыл априори придавал их практикам характер игры, которая, по заключению Л. Выготского, всегда опирается на мнимую ситуацию [Выготский 1966: 64–65]. В рассмотренных случаях ее составляла презумпция возможной замены одного нормативного порядка другим, наличия своей революционной организации или партии, способной дать бой государственной системе, и даже собственного маленького государства. Вместе с тем чем глубже подобная игра захватывала участников, тем больше приобретала сходство со «всамделишной» борьбой за намеченные цели. Это ставило играющих школьников в уязвимое положение, так как убеждало органы контроля, и без того относившиеся к играм как к контрпродуктивному занятию [Димке 2012: 314], в тождестве исполняемых подростками ролей их личной позиции. Предрасположенность к такому максимализму проясняли показания того же Серго Микояна: для него участие в конспиративной организации с опасным уклоном было равносильно погружению в обстановку остросюжетного авантюрного романа, к которому он питал слабость [ЦА ФСБ. Д. Р-788. Т. 2. Л. 41]. Похоже, что и сам Шагурин, строивший свою организацию с дальним прицелом на личный реванш, по ходу дела испытывал «драйв» от хождения «по лезвию ножа». Не настаивая на универсальности этих примеров, можно все же допустить, что членство и в других радикальных сообществах основывалось на переплетении идейных мотивов с тягой к риску и самопроверке у края «пропасти». Иначе говоря, коренилось в адреналиновой зависимости, потребности в компенсации личной неполноценности, т.е. примерно в тех же диспозициях, которые и сегодня выталкивают тинейджеров на экстремальные развлечения и смертельные

«селфи». Не исключено, что в условиях военного времени для подростков и юношества, находившихся в тылу, склонность к рискованным действиям была превращенной формой отваги и героизма, которые их сверстники проявляли на полях сражений или в борьбе с врагом на оккупированной территории.

* * *

Как и в любой другой период истории, детская самодеятельная активность 1930-х — начала 1940-х гг. выросла из потребностей, которые подавлялись или не получали удовлетворения в государственной системе обучения и воспитания. Захлестнувшие страну во второй половине 1930-х гг. политические репрессии не стали блокирующим фактором для самоорганизации. Тем не менее сильное формирующее воздействие на нее оказывали акценты направленной на детей политики этого времени. Ужесточение школьной дисциплины и нормативного давления на непокорных, идеологический прессинг с выхолощенными революционными смыслами провоцировали реакции наподобие мертоновских ретритизма и бунта. Их организационными проекциями становились клубы по интересам, иногда с делинквентным уклоном, и протестные группировки разной направленности. Ослабление советского изоляционизма в годы войны и связанное с этим снижение идеологического давления стимулировали образование игровых сообществ, занимавшихся моделированием государственной деятельности в ожидаемой перспективе сближения наций.

Самоорганизация, привлекавшая подростков конспирацией и групповой поддержкой, одновременно являлась для них действенным средством откорректировать рамки своего существования, не прибегая к помощи взрослых. В идеальном варианте она должна была служить нормализации, помогая участникам освоить положительные поведенческие модели, как, например, это происходило в рамках тимуровского движения, охватившего детский социум в 1940-е гг. [Димке 2012: 316–317]. Однако рассмотренный спектр случаев показывал другую тенденцию. Социальные роли, которые выбирали участники групп, в большинстве случаев существенно отклонялись от насаждаемых советским воспитанием образцов для подражания. В значительной мере это относилось и к так называемой подростковой политической оппозиции, которая, помимо разногласий с властью, определялась влечением к опасности и стремлением самоутвердиться в глазах окружающих.

Ускользавший от влияния воспитателей и педагогов, субъект самодеятельной активности был незнакомцем для них. Таковым он остается и сегодня для историков детства. Дальнейшее изу-

чение детской самоорганизации с точки зрения преломлявшихся в ней индивидуальных и коллективных потребностей, интересов, желаний и творческих потенциалов позволит ближе присмотреться к этой фигуре.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ — Российский архив социально-политической истории

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы

Архивные материалы

ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2291. Докладные записки и сведения работников НКП и его местных органов о работе школ в 1936/1937 г.

ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2357. Стенограмма совещания наркомов просвещения автономных республик и заведующих краевых и областных отделов народного образования.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Протокол постановления III Пленума ЦК ВЛКСМ и материалы по его подготовке.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1188. Записки, справки и другие документы Отдела школьной молодежи, комитетов ВЛКСМ, административных органов о негативных явлениях в воспитательной работе с учащимися школ.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1245. Записки, заявления в ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, НКВД и комитеты ВЛКСМ о политических ошибках комсомольских работников на местах.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1255. Докладные записки, справки отделов, комитетов ВЛКСМ о состоянии работы комсомольских организаций.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1257. Записки, справки помощников начальников политотделов по комсомолу на железнодорожном транспорте.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1265. Записка генерального прокурора СССР, информации комитетов ВЛКСМ и другие документы о недостатках в работе школ.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 3. Докладные записки секретарям ЦК ВКП(б).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 237. Докладные записки, информационные сводки, справки ЦК ВЛКСМ, инструкторов ЦК ВЛКСМ.

ЦА ФСБ. Д. Р-788. Уголовное дело «4-я Империя». Т. 1–2.

ЦГАМ. Ф. П-634. Оп. 1. Д. 487. Секретные докладные записки в МК и МГК ВЛКСМ, МК и МГК ВКП(б).

ЦГАМ. Ф. П-635. Д. 178. Секретарю ЦК ВЛКСМ т. Ильинскому о фактах проникновения антинародных влияний в средние школы г. Москвы.

Источники

Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. (сост.). Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946: Документы высш. органов парт. и гос. власти. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с. (Россия. XX век. Документы).

Библиография

- Бахтурина А.Ю. Советская национальная политика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № S20: Трудные вопросы истории России. <<https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/>>. doi: 10.18254/S207987840004708-7.
- Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Академический проект, 2009. 415 с.
- Волкова И.В. Пиренейский конфликт 1936–1939 годов и формирование советского поколения войны // Новейшая история России. 2020. № 1. С. 183–202.
- Выготский Л. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62–68.
- Гальмарини М.К. Морально дефективный преступник или психический больной? Детские поведенческие девиации и советские дисциплинирующие практики 1935–1957 гг. // Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. С. 107–151.
- Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 309–332.
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
- Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Макаревич Г.В. (сост.). Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и мат-лов. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 8–46. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики», 1).
- Кон И.С. Дружба. СПб.: Питер, 2005. 330 с.
- Кошемчук Т.А. О Бахтине, карнавализации, Рабле и Достоевском // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 151–156.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Летний сад, 1999. 316 с.
- Литовская М.А. Воюющие дети в русской литературе первой половины XX в. // Homo militaris. Литература войны и о войне. История, мифология, поэтика. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 93–99.
- Литовская М.А. Аркадий Гайдар (1904–1941) // Детские чтения. 2012. № 2. С. 87–104.
- Лойтер С.М. Детские утопии, или Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Белоусов А.Ф. (сост.). Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: АСТ; Ладомир, 1998. С. 606–617.

- Обухов А.С., Мартынова М.В. Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна ККР Антона Кротова и его друзей // Макаревич Г.В. (сост.). Какорья. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и мат-лов. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 231–245. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Т. 1).
- Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Прогресс-книга, 2019. 448 с.
- Прихожан А.М. К проблеме подростковой игры // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2015. № 4. С. 37–46.
- Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.). Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность: Сб. статей. М.: ЦСПГИ; Вариант, 2007. С. 199–228.
- Ромаева Н.Б., Ромаев А.П. Развитие отечественной педологии (20–30-е гг. XX в.) // Историко-педагогический журнал. 2014. № 3. С. 103–112.
- Савенко Е.Н. Нелегальная печать в Сибири в контексте социального протеста (конец 1920-х — середина 1940-х гг.) // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Мат-лы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2013. С. 402–410.
- Сухих И.Н. От стиха до пули // Бенина М.А., Семенова Е.П. (сост.). Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академический проект, 2005. С. 2–45.
- Уханов А.Д., Мамычев А.Ю. Троцкизм как самостоятельное политико-правовое учение: проблемы понимания и интерпретации // Мамычев А.Ю. (ред.). Правовая политика российского государства в XXI веке: состояние, проблемы и направления развития: Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. С. 67–69. <file:///C:/Users/Probook%20450/Downloads/текст_сб_конф А4_1_литвинова(юристы).pdf>.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Хейзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.
- Шарова М. Контуры грядущей войны в советской литературе 1930-х годов // Фоменко М. (сост.). Бумажные войны: военная фантастика 1871–1941: Антология. Б.м.: Б.и., 2015.
- Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 105–107.
- Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 360 с.
- Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993. 424 с.
- Ertz S. Making Sense of the Gulag: Analyzing and Interpreting the Function of the Stalinist Camp System // Persa Working Paper. 2008. No. 50. 39 p. <<https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/050a.pdf>>.

- Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1017–1049. doi: 10.2307/2166597.
- Holmes L.E. Part of History: The Oral Record and Moscow Model School no. 25, 1931–1937 // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 2. P. 279–306. doi: 10.2307/2500786.
- Holquist P. State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Weiner A. (ed.). *Landscaping the Human Garden*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. P. 129–156.
- Kareniauskaitė M. The Criminal Justice System in Soviet Russia and the USSR (1917–1953): Emergence, Development and Transfer to the Lithuanian SSR // *Lithuanian Historical Studies*. 2015. No. 20. P. 151–182.
- Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. L.: Yale University Press, 2007. 714 p.
- Kirschenbaum L.A. *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. N.Y.: Routledge, 2001. 242 p.
- Kucherenko O. *Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 280 p.
- Livschiz A. *Growing Up Soviet: Childhood in the Soviet Union, 1918–1958*: PhD / Stanford University. Stanford, CA, 2007. 834 p.
- Neumann M. “Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932) // *Journal of Social History*. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 273–304.
- Oushakine S. Translating Communism for Children: Fables and Posters of the Revolution // *boundary 2*. 2016. Vol. 43. No. 3. P. 159–219. doi: 10.1215/01903659-3572478.
- Stargardt T. *Witnesses of War. Children’s Lives under Nazis*. L.: Jonathan Cape Ltd, 2005. 336 p.
- Weiner A. *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. 432 p.

Against the Current: Schoolchildren’s Informal Organizations in the 1930s and Early 1940s

Irina Volkova

National Research University Higher School of Economics
24/1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia
wolkowa-irina@yandex.ru

The article is devoted to the schoolchildren associations of the 1930s and early 1940s, which were created as grassroots initiatives, bypas-

sing—and often standing in opposition to—the pioneers and the Komsomol. These forms of activity make it possible to see adolescents in an unusual light—as the subjects of history—and to imagine how the socio-political realities and ideology of this period were refracted in their minds. The above material shows that, as in other periods, children's amateur activity in the 1930s and early 1940s grew out of needs that were not met within the state system of education and upbringing. The political repressions that swept the country in the second half of the 1930s did not become an obstacle for these movements. However, a strong “formatting” effect was exerted by the focal points of the policy aimed at children of that time. The tightening of school discipline and normative pressure on the recalcitrant, ideological pressure with emasculated revolutionary meanings provoked reactions like Merton's retreats and rebellion. Their organizational projections were, respectively, interest clubs, sometimes with a delinquent bias, and protest groups of various kinds. The weakening of Soviet isolationism and the decrease in ideological pressure during the war years stimulated the emergence of gaming communities to model state activities through the perspective of the rapprochement of nations.

Keywords: children's self-organization, interest clubs, protest groups, gaming communities.

References

- Bakhturina A. Yu., ‘Sovetskaya natsionalnaya politika’ [Soviet Nationality Policy], *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya”*, 2019, no. S20: *Trudnye voprosy istorii Rossii* [Difficult Questions in the History of Russia]. <<https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/>>. doi: 10.18254/S207987840004708-7. (In Russian).
- Brandenberger D. L., *Natsional-bolshevizm. Stalinskaya massovaya kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956]. St Petersburg: Akademicheskii projekt, 2009, 415 pp. (In Russian).
- Dimke D., ‘Sovetskie detskie igry: mezhdru utopiy i realnostyu’ [Soviet Children's Games: Between Utopia and Reality], *Antropologicheskii forum*, 2012, no. 16, pp. 309–332. (In Russian).
- Elkonin D. B., *Psikhologiya igry* [The Psychology of the Game]. Moscow: Vldos, 1999, 360 pp. (In Russian).
- Ertz S., ‘Making Sense of the Gulag: Analyzing and Interpreting the Function of the Stalinist Camp System’, *Persa Working Paper*, 2008, March, no. 50, 39 pp. <<https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/050a.pdf>>.
- Etkind A., *Eros nevozmozhnogo. Istoriya psikhoanaliza v Rossii* [Eros of the Impossible. History of Psychoanalysis in Russia]. St Petersburg: Meduza, 1993, 424 pp. (In Russian).

- Fitzpatrick S., *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999, 288 pp.
- Galmarini M. K., 'Moralno defektivnyy prestupnik ili psikhicheskiy bolnoy? Detskie povedencheskie devyatsii i sovetskie distsipliniruyushchie praktiki 1935–1957 gg.' [Morally Defective Criminal or Mentally Ill? Children's Behavioral Deviations and Soviet Disciplinary Practices 1935–1957], *Ostrova utopii. Pedagogicheskoe i sotsialnoe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia. Pedagogical and Social Design of the Post-war School (1940–1980s)]. Moscow: NLO, 2015, pp. 107–151. (In Russian).
- Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N., 'Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence', *American Historical Review*, 1993, vol. 98, no. 4, pp. 1017–1049. doi: 10.2307/2166597.
- Huizinga J., *Homo Ludens. A Study of the Play-Element in Culture*. Boston: Beacon Press, 1967, 409 pp.
- Holmes L. E., 'Part of History: The Oral Record and Moscow Model School no. 25, 1931–1937', *Slavic Review*, 1997, vol. 56, no. 2, pp. 279–306. doi: 10.2307/2500786.
- Holquist P., 'State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism', Weiner A. (ed.), *Landscaping the Human Garden*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003, pp. 129–156.
- Kareniauskaitė M., 'The Criminal Justice System in Soviet Russia and the USSR (1917–1953): Emergence, Development and Transfer to the Lithuanian SSR', *Lithuanian Historical Studies*, 2015, no. 20, pp. 151–182.
- Kelly C., *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. London: Yale University Press, 2007, 714 pp.
- Kelly C., 'Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv.' [On the Study of the History of Childhood in Russia in the 19th–20th Centuries], Makarevich G. V. (comp.), *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakorea. From the History of Childhood in Russia and Other Countries]: A coll. of papers and materials. Moscow; Tver: Nauchnaya kniga, 2008, pp. 8–46. (In Russian).
- Kirschenbaum L. A., *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York: Routledge, 2001, 242 pp.
- Kon I. S., *Druzhba* [Friendship]. St Petersburg: Piter, 2005, 330 pp. (In Russian).
- Koshemchuk T. A., 'O Bakhtine, karnavalizatsii, Rable i Dostoevskom' [About Bakhtin, Carnivalization, Rabelais and Dostoyevsky], *Verkhnevolskiy filologicheskii vestnik*, 2015, no. 2, pp. 151–156. (In Russian).
- Kucherenko O., *Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 280 pp.
- Lebina N. B., *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930-e gody* [Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930s]. St Petersburg: Letniy sad, 1999, 316 pp. (In Russian).
- Litovskaya M. A., 'Voyuyushchie deti v russkoy literature pervoy poloviny XX v.' [Warring Children in Russian Literature of the First Half of the 20th Century], *Homo militaris. Literatura voyny i o voyne. Istoriya*,

- mifologiya, poetika* [Homo militaris. Literature of the War and about the War. History, Mythology, Poetics]. Kaluga: Kaluga State University Press, 2010, pp. 93–99. (In Russian).
- Litovskaya M. A., ‘Arkadiy Gaydar (1904–1941)’ [Arkadiy Gaydar (1904–1941)], *Detskie chteniya*, 2012, no. 2, pp. 87–104. (In Russian).
- Livschiz A., *Growing Up Soviet: Childhood in the Soviet Union, 1918–1958*: PhD, Stanford University. Stanford, CA, 2007, 834 pp.
- Loyter S. M., ‘Detskie utopii, ili Igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo folklor’a [Children’s Utopias, or Playing in a Dream Country as a Phenomenon of Children’s Folklore], Belousov A. F. (comp.). *Russkiy shkolnyy folklor. Ot “vyzyvaniy” Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian School Folklore. From the “Calls” of the Queen of Spades to Family Stories]. Moscow: AST; Lodomir, 1998, pp. 606–617. (In Russian).
- Neumann M., ‘“Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932)’, *Journal of Social History*, 2012, vol. 46, no. 2, pp. 273–304.
- Obukhov A. S., Martynova M. V., ‘Fantaziynnye miry igrovogo prostranstva detey megapolis: strana KKR Antona Krotova i ego druzey’ [Fantasy Worlds of the Play Space of the Children of the Metropolis: the Country of the KKR by Anton Krotov and His Friends], Makarevich G. V. (comp.), *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakorea. From the History of Childhood in Russia and Other Countries]: A coll. of papers and materials. Moscow; Tver: Nauchnaya kniga, 2008, pp. 231–245. (In Russian).
- Osorina M. V., *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [The Secret World of Children in the Space of the World of Adults]. St Petersburg: Progress-kniga, 2019, 448 pp. (In Russian).
- Oushakine S., ‘Translating Communism for Children: Fables and Posters of the Revolution’, *boundary 2*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 159–219. doi: 10.1215/01903659-3572478.
- Prikhozhan A. M., ‘K probleme podrostkovoy igry’ [To the Problem of Teenage Play], *Vestnik RGGU, series: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Psychology. Pedagogy. Education], 2015, no. 4, pp. 37–46. (In Russian).
- Pushkarev A., Pushkareva N., ‘Rannaya sovetskaya ideologiya 1918–1928 godov i “polovoy vopros” (o popytkakh regulirovaniya sotsialnoy politiki v oblasti seksualnosti)’ [Early Soviet Ideology of 1918–1928 and the “Sexual Question” (About Attempts to Regulate Social Policy in the Field of Sexuality)], Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. (ed.), *Sovetskaya sotsialnaya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost* [Soviet Social Policy of the 1920s–1930s: Ideology and Everyday Life]: A coll. of articles. Moscow: TsSPGI; Variant, 2007, pp. 199–228. (In Russian).
- Romaeva N. B., Romaev A. P., ‘Razvitiye otechestvennoy pedologii (20–30-e gg. XX v.)’ [Development of Domestic Pedology (20–30s of the 20th Century)], *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 103–112. (In Russian).
- Savenko E. N., ‘Nelegalnaya pechat v Sibiri v kontekste sotsialnogo protesta (konets 1920-kh — seredina 1940-kh gg.)’ [Illegal Press in Siberia in

- the Context of Social Protest (late 1920s—mid 1940s)], *Istoriya stalinizma: zhizn v terrore. Sotsialnye aspekty repressiy* [History of Stalinism: Life in Terror. Social Aspects of Repression]: Materials of international scientific conference. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 402–410. (In Russian).
- Sharova M., 'Kontury gryadushchey voyny v sovetskoj literature 1930-kh godov' [Outlines of the Coming War in Soviet Literature of the 1930s], Fomenko M. (comp.), *Bumazhnye voyny: voennaya fantastika 1871–1941* [Paper Wars: Military Fiction 1871–1941]: Antology. S. I.: S. n., 2015. (In Russian).
- Shcherbak A. N., Bolyachevets L. S., Platonova E. S., 'Istoriya sovetskoj natsionalnoy politiki: kolebaniya mayatnika?' [History of Soviet Nationality Policy: Pendulum Swings?], *Politicheskaya nauka*, 2016, no. 1, pp. 105–107. (In Russian).
- Stargardt T., *Witnesses of War. Children's Lives under Nazis*. London: Jonathan Cape Ltd, 2005, 336 pp.
- Sukhikh I. N., 'Ot stikha do puli' [From Verse to Bullet], Benina M. A., Semenova E. P. (comp.), *Sovetskie poety, pavshie na Velikoy Otechestvennoy vojne* [Soviet Poets who Fell in the Great Patriotic War]. St Petersburg: Akademicheskij proekt, 2005, pp. 2–45. (In Russian).
- Ukhanov A. D., Mamychyev A. Yu., 'Trotskizm kak samostoyatelnoe politiko-pravovoe uchenie: problemy ponimaniya i interpretatsii' [Trotskyism as an Independent Political and Legal Doctrine: Problems of Understanding and Interpretation], Mamychyev A. Yu. (ed.), *Pravovaya politika rossijskogo gosudarstva v XXI veke: sostoyanie, problemy i napravleniya razvitiya* [Legal Policy of Russia in the 21st Century: State, Problems, and Directions of Development]: Materials of the international scientific and practical conference. Vladivostok: Vladivostok State University Press, 2014, pp. 67–69. <file:///C:/Users/Probook%20450/Downloads/текст_сб_конфа4_1_литвинова(юристы).pdf>. (In Russian).
- Volkova I. V., 'Pirenejskij konflikt 1936–1939 godov i formirovanie sovetskogo pokoleniya voyny' [The Iberian Conflict of 1936–1939 and the Formation of the Soviet Generation of War], *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2020, no. 1, pp. 183–202. (In Russian).
- Vygotskiy L., 'Igra i ee rol v psikhicheskom razvitii rebenka' [Play and Its Role in the Mental Development of the Child], *Voprosy psikhologii*, 1966, no. 6, pp. 62–68. (In Russian).
- Weiner A., *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002, 432 pp.
- Zubkova E. Yu., *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost. 1945–1953* [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN, 2000, 229 pp. (In Russian).